

В. И. КУПЕШОВ

ЖИЗНЬ И
ТВОРЧЕСТВО
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Дорого
фами Зиновьев

Канунов

от

автор

28/1279

Моск

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

В. И. КУПЕШОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ОЧЕРК

7-980449

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

САМЫЙ «ТРУДНЫЙ» В МИРЕ КЛАССИК

Достоевского читает весь мир, впечатляющая сила его романов огромна. Но все еще возникают споры: «принимать» или «не принимать» Достоевского? Спросите любую, самую небольшую группу читателей: «Любите ли вы Достоевского?», и непременно голоса разделятся. Найдутся прямые поклонники и энтузиасты, для которых, кажется, тут никаких трудностей нет. Другие начнут объяснять свою неполную любовь к писателю, словно сознавая, что вопрос задан неспроста. Третьи промолчат, не решившись пережить конфуз эстетической глухоты, сомнение, что весь мир считает его великим. Но обьявятся и такие, которые без обиняков нападут на Достоевского, скажут, что не видят в нем гения, что он «путаник» и «вредный» писатель, словом — Толстой и Чехов лучше...

И удивляться этой разноголосице не приходится. Даже многие писатели не были единодушны в понимании Достоевского. Иван Бунин считал Достоевского просто «плохим» писателем, его ценитель Томас Манн предупреждал: «Достоевский, но в меру», а М. Горький называл Достоевского и «инквизитором», и психологом, «равным Шекспиру».

Сложен и противоречив Достоевский. Величайший русский писатель-реалист, знаток жизни, психолог-ясновидец, сострадающий бедным и угнетенным, гуманист, страстный обличитель социального зла, лжи и лицемерия, буржуазных порядков и «демократии», вечно озабоченный судьбой своего народа и человечества, он чрезвычайно субъективно ставил и решал вопросы о совершенствовании личности, об идеалах человеческого общежития. Он был несправедливо придиричивым оппонентом революционеров и социалистов своего времени, самоотверженно искавших, хотя и не без ошибок и противоречий, но искренне, пути спасения народа, заботившихся о его будущем.

Достоевский всегда стоял особняком в русской литературе, оставался не вполне понятым и оцененным. Манера его творчества была резко субъективной. Он властно подчинял художественные образы и сюжеты заранее выдвинутой им главенствующей идее. Хотя сама по себе эта идея была глубоким отголоском времени, она дышала жаром пристрастной полемики, часто была противоречива, однобока и развивалась автором по своим особым ассоциативным законам. Вот почему идеи Достоевского тут же вызвали ответную бурю в демократической критике. Многие у писателя в симпатиях и антипатиях было прямо-таки парадоксальным.

Начав как ученик Гоголя и как один из писателей натуральной школы 40-х годов XIX века, к которой принадлежали Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Григорович, Достоевский взрывал самый принцип их творчества, заявляя, что «среда» вовсе не всесильна над человеком. На первом плане у Достоевского — сама «личность», она, главным образом, и в ответе за все беды действительности. С нее и спрос, ее самоказнь и интересовала писателя прежде всего.

Белинский быстро уловил эту позицию писателя и встревожился. Она грозила многими опасностями молодому таланту: легко было потерять твердую ориентировку в жизни. Отсюда и резкое столкновение взаимоисключающих оценок у критика. То похвалы молодому писателю: когда вышли «Бедные люди» — явился «второй Гоголь» (точно так же думали тогда о Достоевском Некрасов и Григорович), то, когда вышли следующие произведения писателя: «Двойник», «Хозяйка» — «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением!» — писал Белинский П. В. Анненкову.

И действительно, Достоевский увлекся показом своеволия личности, ее действий наперекор всякому смыслу и даже ее собственным интересам. Глохли социальные первопричины — бедность, угнетение, вызывающие бунт личности. Перед читателем вставали некие неумные всечеловеки. Люди больших, но, кажется, отвлеченных страстей. Путались и противопоставлялись автором два разных вопроса: право личности на восстание против среды и зависимость личности от среды. А ведь право и зависимость вовсе не исключают друг друга.

Отбыв в юности каторгу за вольномыслие, Достоевский затем отрекся от политической борьбы. С проповедью «истинного Христа» он пускался в полемику со всеми современными демократическими теориями, обрекал себя на роль человека,

идушего не в ногу со временем. Конечно, он проиграл все идеологические битвы с «нигилистами», «материалистами», «атеистами», то есть с Чернышевским и его последователями. Исторически правыми были они, передовые люди своего времени. Но и Достоевский не шел в обозе. Он тоже был передовой. Он настолько велик, что своя большая жизненная правда оставалась и за ним, правда добросовестного исследователя жизни, всех ее самых затаенных проявлений.

Создавалось мучительно двойственное положение писателя, этого бывшего социалиста и каторжника: он отшатнулся теперь от вольномыслия, но правдивые картины его потрясали душу, общество его читало, и слава его росла. Достоевский боролся за влияние на молодые умы, любил выступать на литературных чтениях с отрывками из своих «Записок из Мертвого дома». Аудитория боготворила его: он побывал «там», на каторге, и это ставило его выше иного литератора, преблагополучно переждавшего на своих лаврах моровую полосу последних, особенно страшных, лет николаевского царствования. Но в таких встречах уже была своя фальшь и натяжка. Молодежь хотела видеть в нем «страдальца», верила ему, а он теперь был не тот. Когда на похоронах Достоевского студенты несли кандалы — символ страданий писателя-каторжника (полиция, между прочим, тут же отобрала кандалы), — акция студентов больше не имела того смысла, который они вкладывали в нее тогда. Похороны Достоевского неожиданно были обставлены пышной полуофициальной помпой, и всей церемонией дирижировал сам К. П. Победоносцев, перед тем ставший обер-прокурором Святейшего Синода, правой рукой Александра II. Конечно, Достоевского надо было боготворить за прошлое, оно значительно, но у него были и другие великие заслуги — заслуги писателя-реалиста и гуманиста, который жизнь представлял в сложнейшем виде и изведать ее мог только он, беспощадно правдивый художник. Именно такого Достоевского с искренним горем хоронила Россия. Между тем искание своего пути было сопряжено у Достоевского со многими ошибками и даже попытками опереться на силу некоторых представителей официальной власти. Они-то, эти тогдашние влиятельные лица, и пытались спекулировать на Достоевском, на его славе и влиянии в обществе.

Отношения современников к Достоевскому, прежде всего собратьев по перу, во многом определялись его личным характером, как известно, неуживчивым, хотя и добрым, раздражительным, мнительным и честолюбивым. Больших друзей среди

подлинно великих людей он не имел. Для него характерны разрывы с великими... В литературе он стоял одиноко. А участие в реакционной газете князя В. П. Мещерского «Гражданин» в качестве редактора, замирение с ретроградом М. Н. Катковым, с которым прежде благородно полемизировал, личная дружба с Победоносцевым в конце жизни — ничего, кроме нареkania, вызвать не могли.

Впрочем, для широкой публики этой проблемы почти не существовало. Читатель имел перед собой произведения писателя. Они пленяли его, возбуждали энергию протеста против зла. Но и по поводу пафоса творчества Достоевского возникали споры, тут много было проблем.

Одна из них о «жестокости» его таланта. О ней спорят до сих пор. Первым заговорил об этом критик-народник Н. К. Михайловский. Его статья о Достоевском так и называлась — «Жестокий талант» (1882). Белинский, Добролюбов, Писарев проходили мимо этой черты Достоевского, она и не раскрылась в то время. Некоторые литературоведы сейчас торопятся приостановить этот спор — Михайловский, мол, отождествлял автора с его героями, а время решило: гуманизм Достоевского вне сомнения. Конечно, Михайловский упрощал свой взгляд, делая автора ответственным за жестокие сцены, которые он изображал. Но Достоевский — субъективнейший из писателей. Его личный тон присутствует во всех ситуациях и образах. Прототипом своих героев чаще всего служил он сам. Из глубины своего сердца он черпал самые потрясающие откровения. И часто боль о человеке переходит у Достоевского в фетишизацию самой боли; он сгущал краски, колорит многих сцен у него мрачен. Описание страданий нередко превращается в затяжное, нервное «любование» ими. Ведь писатель считал страдание необходимейшим средством искупления всеобщей порочности человека, ступенью восхождения к благу. Если жестокость социально не объяснена, она целиком остается пердержкой писателя.

Достоевский сделал важное открытие в психологии мелкого чиновника, «маленького человека»: смесь униженности и амбиции, «двойничество», «подполье», постоянное метание души. Способность маленького человека рассуждать, осмыслять свое бытие, жаждать лучшего Достоевский иногда возводил на уровень претенциозного теоретизирования. Его герои-дилетанты берутся оспаривать системы социалистического устройства общества, сопоставляют идеи и мечты вселенского масштаба с

будничным прозябанием раздавленного жизнью чиновника. Тут-то как раз и терялась грань между автором и героем, ибо сам Достоевский полемизировал с утопическим социализмом, с проектами будущей жизни в «хрустальном дворце», в «муравейнике». И тем более невзлюбил все это, что сам в молодости был социалистом. До сих пор литературоведы спорят, где в «Записках из подполья» говорит герой Парадоксалист, а где сам Достоевский. Пояснения Достоевского в записных книжках, что он тут осудил русский анархизм («все позволено»), не вполне отмежевывают его от героя.

Как же мог Достоевский при такой сбивчивости позиций сделаться мировым художником? Значит, есть в нем какая-то сила наблюдений, реалистической всепобеждающей правды и художественности! Значит, созданный им мир идей и образов в конечном счете свойствен человечеству, надо познать его! Для света, а не для мрака существует великий Достоевский. Он сопричастен судьбам России и русского народа.

Видимо, нужно было гению, по его глубоко внутренним потребностям, отбросить трафаретное понимание «личности» и «среды». А оно складывалось в сознании многих писателей натуральной школы: человек носит на себе печать своего происхождения и положения, как черепаха носит свой панцирь. Получалась какая-то фатальная зависимость. Сам гуманизм натуральной школы требовал не только того, чтобы писатель раскрыл психологию «маленького человека» (это было сделано в «Бедных людях»), но и пойти дальше, показать «текучесть», изменчивость человека. Достоевский расшатывал сложившиеся у тогдашних писателей схематические представления о человеке. Не всегда совпадают в человеке его чаяния и его сущее. Люди не бывают стерильно чистым порождением той «среды», которая их создает и на них давит. Достоевский заглянул в человека глубже, перепахал прежние схемы его понимания и изображения. Он предупреждал, что «восстановление» человека, поднятие в униженных их человеческого достоинства — процесс долгий и нелегкий. За человеком тянется груз старых предрассудков, извращений природы. Даже на самых высоких взлетах благородного служения возрождаются себялюбие, мания величия, попираание малых сих. В этом суждении Достоевский был истинным реалистом. Такой взгляд Достоевского подчас раздражал критиков и не давал им возможности увидеть его заслуг перед литературой. Его проникновения и пророчества казались ничем иным, как причудами личности писателя. А на деле указа-

ния на свойства природы были во многом даже опережающими время. И только потом, в условиях новых общественных противоречий, их оценили и удивлялись им.

С тревогой Достоевский наблюдал распад семейных отношений, торжество денежной морали. Правда, он осуждал этот распад с позиций своего особого учения о братстве во Христе. Но зло продолжало развиваться в условиях капитализировавшейся России. Еще более бурно этот процесс проходил на Западе. Достоевский изобразил много сцен из жизни «случайных семейств», где нет добродетели, почитания родителей, где умерли заботливое отношение к детям, чистота любви и привязанности. Процесс распада семьи и морали принимал все более извращенные формы.

Отчуждение человека, его обособление, замыкание в самом себе протекали в буржуазном обществе все интенсивнее. Равнодушные официальной России к простому люду, лживые посулы демократии, а затем кризисы, войны — все это отравило сознание простого труженика, поселило в нем недоверие к миропорядку и законам, страх за себя, выработало подполье, двойственность, желание «казаться» и «быть». Никто из мировых классиков не занимался кризисами и метаморфозами сознания в такой степени, как Достоевский. Он предугадал многие психологические процессы XX века. Он является в этом не только первым, но и самым глубоким исследователем-реалистом, общепризнанным пророком и угадчиком.

Желание связать воедино распад и самоопределение личности в бурном потоке современных процессов, захватывающих семью, общество, политику, экономику, правовые отношения, — важная черта реализма Достоевского. У Достоевского этот kaleidoscope еще мог казаться игрой фантазии, неумением строго организовать впечатления жизни. Но оказывалось, что этот-то «содом» и есть система, он-то и является «нормой» современного буржуазного общества. Без широкой художественной разработки Достоевским жизненных противоречий, без углубления в сознание мятущейся личности были бы невозможны романы-эпопеи Шолохова «Тихий Дон», Алексея Толстого «Хождение по мукам».

Никто из классиков, как Достоевский, не обращал столько внимания на религиозные чувства, живущие в народе. Конечно, была у Достоевского и своя цель: убедить, что русский народ самый верующий, что он ближе других народов к идеалам Христова братства и именно русскому народу выпала миссия

научить братству остальное человечество. Но в действительности существовал же большой мир народной жизни, для которой характерны черты религиозности. Крестьянская Россия, сплошь неграмотная, была религиозной. Церковь внушала страх и почтение к себе и к царю. Проницательнейший из реалистов не мог не видеть всевластия церкви. Конечно, религия — плохое утешение для угнетенных и поповщина — сплошной обман. С просветительской точки зрения ничего не стоило опровергнуть учение церкви и высмеять «святых отцов», старцев, схимников, утешителей. Большинство демократически и либерально настроенных русских писателей, критиков, мыслителей недооценивало цепкости церкви и религии. Достоевский дал почувствовать, что это не так, что все обстоит сложнее. Церковь и крестила, и венчала, и отпевала. Церковь готова на все утешения. И Достоевский показал, как велика роль религии в жизни человека. Огромные потрясения, в которые был ввергнут мир в XIX веке, получили глубокое осмысление в романах Достоевского. В них изображены поиски выхода из мучительных страданий, поиски лучшего.

То, что Достоевский был главным образом романистом, широким эпиком, реалистом, изображавшим многозначные, емкие характеры, предохранило его от забвения, придало устойчивое положение в литературе. Чудо художественного преобразования в том и состоит, что жизненный материал, привлекаемый для создания образов, как правило, шире концепций. Тут начинает действовать, как говорил Добролюбов, логика сцепления объективных фактов и вытекающих из них выводов. Они могут складываться у читателя в другие концепции и продолжать развиваться в сознании поколений вместе с процессами самой жизни.

Конечно, главные причины противоречивых оценок Достоевского лежат в самом Достоевском. Но нередко оценки зависели и от критиков, от условий, продиктованных временем. Аполлон Григорьев, славянофилы, Катков, Анненков — все думали, что Достоевский после каторги исчерпал себя. Некрасов отнесся к Достоевскому лучше других. Но когда Достоевский пытался предложить «Село Степанчиково» в «Современник», Некрасов отказал ему. Один из мемуаристов передает слова Некрасова: «Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше». К счастью, и Некрасов ошибся... Этим воспользовался издатель А. А. Краевский: он напечатал «Село Степанчиково» в своих «Отечественных записках», чутьем предпринимателя поняв, что

повесть привлечет внимание. Добролюбов в статье «Забитые люди», высоко оценивая Достоевского, отозвался о романе «Униженные и оскорбленные» лишь как о «лучшем произведении года». Как видим, похвала небольшая. А разбирая идеи романа и ставя в заслугу автору его сочувствие бедным людям, критик начисто устранился от рассмотрения художественных достоинств романа. Конечно, «Униженные и оскорбленные» не лучшее создание Достоевского, но все же роман не дает поводов отказывать ему в художественности. На односторонность подхода Добролюбова, возможно, повлияла полемика, которую тогда вел с ним Достоевский об искусстве. Достоевский противопоставлял «художественность» «тенденциозности», и на тенденциозности-то его романа и решил сосредоточиться критик.

Наступившая после смерти Достоевского политическая реакция в стране постаралась использовать писателя как свое знамя. «Учителем поколений» называл его философ-идеалист Владимир Соловьев. «Пророком русской революции» нарек его позднее реакционный критик Д. С. Мережковский в книге «Лев Толстой и Достоевский». «Пророком» он нарек Достоевского за его вечные «бунты» против насилия; называл предугадчиком всех несчасть и бедствий, которые могут вызвать «поджигатели», подобные изображенным в «Бесах». Мережковский, погружаясь в крайний мистицизм, старался оторвать Достоевского от реалистических и гуманистических традиций русской литературы. А ведь писатель в каждом романе проводил мысль о том, что ему, как и всем правдивым художникам, не нравится «лик мира сего», что его пером водит любовь к народу.

Между двумя революциями, когда реакцией оплевывалось все демократическое, а буржуазная интеллигенция отшатнулась от заветов Белинского и Чернышевского, М. Горький выступил со статьями против «карамазовщины», анархического своеволия, аморализма, предательства. Разумеется, это острое определение не заключало в себе оценки всего содержания знаменитого романа Достоевского и, в частности, понятия «карамазовщина» как его трактует сам Достоевский. М. Горький осуждал попытки использовать авторитет Достоевского в борьбе с прогрессивными силами после поражения революции 1905 года. Черная же пресса прибегала к подтасовкам, использовала прежние выпады Достоевского против демократов. М. Горький осуждал в данных условиях постановку инсценировки «Бесов» в Московском Художественном театре. Как известно, В. И. Ленин поддержал

эту заботу М. Горького о вопросе «социальной педагогики» общества.

В советское время, в 1920—1930-х годах, началось интенсивное изучение Достоевского. Много сделано учеными Л. П. Гроссманом, А. С. Долининым, В. С. Нечаевой, Б. В. Томашевским. Но Достоевский всегда был полем битвы различных мнений, а на международной арене — идеологической борьбы. На Западе появилось много работ, в которых Достоевский приравнивался к реакционному немецкому философу Ф. Ницше, проповеднику «высшей расы». Учение Ницше подхватывали все шовинисты в мире, и особенно Гитлер. Объективное истолкование наследия великого русского писателя чрезвычайно осложнилось.

Когда закончилась Великая Отечественная война и фашизм был разбит, начали развиваться широкие международные связи Советского Союза с заграницей. В этой обстановке необходимо было вернуться к изучению наследия Достоевского, которого читал весь мир и по которому судили о «русском человеке». Появился однотомник сочинений Достоевского, исследовательские работы А. С. Долинина, В. Я. Кирпотина и других советских ученых. Но некоторым исследованиям не хватало всестороннего рассмотрения творчества писателя, и даже наблюдался упрощенный подход к Достоевскому. Обозначились и другие крайности: в отдельных статьях конца 1940-х годов чрезмерно раздувалась «реакционность» Достоевского. На многие годы Достоевским совсем перестали заниматься.

В последние двадцать лет сложились наиболее благоприятные условия для объективного подхода в изучении Достоевского. Писатель предстал как гордость русской литературы, и он должен быть постигнут во всей своей глубине.

Сейчас обозначились новые расхождения в изучении писателя, которые можно считать необъявленной полемикой.

Покойный М. М. Бахтин в книге «Проблемы ^{поэтики} Достоевского» указал на «полифонизм» (многоголосие) как важнейшую черту романов писателя. У каждого героя есть свой голос, своя «идея», и она составляет его суть, и герой отстаивает эту идею. Таковы «голоса» у всех Карамазовых; столкновение разных голосов героев и составляет «полифонизм». Кроме того, у Достоевского об одном и том же событии рассказывает много героев, создается разное понимание его. Например, речи прокурора и защитника на процессе Мити. Но «полифонизм» существует еще и в душе одного героя, который может иметь

много идей, мнений, колебаться, говорить одно, а думать другое (исповеди Раскольникова, Свидригайлова, Ставрогина). «Полифонизм» у Бахтина имеет и еще один смысл: как автономия голосов героев по отношению к голосу автора. Последнее вызывало критику в адрес Бахтина. Образы героев оказываются слишком самостоятельными, а это мало похоже на субъективнейшего из романистов. На самом же деле голос Достоевского звучит везде, и не на правах одного из участников хора, и не только за спиной героев, а он голос-творец. Все голоса и голос автора, ведущего действие к цели, и есть то огромное явление, которое называется «Достоевский».

Другая крайность обозначилась в книге Б. И. Бурсова «Личность Достоевского». Тут не хор голосов, а сплошной монолог самого писателя. Все заключается в его личности, все исходит из него. Бахтин отрывал произведения от личности автора, Бурсов отрывает автора от произведений. В объяснении связей личности писателя и его творчества Бурсов следует закону «достаточного основания». Раз те или иные события были, а цепь их привела к созданию шедевров, значит, события и надо принять так, как они есть, лучшего и желать не надобно, иначе будет не Достоевский. Такой подход представляется неверным.

Необходимо опереться на методологию статей В. И. Ленина о Толстом. Она применима и для изучения Достоевского. В. И. Ленин рассматривает Толстого со всеми его противоречиями. Такой подход необходим для того, чтобы правильно понять писателя. Но, рассмотрев обстоятельства деятельности Толстого, В. И. Ленин отбрасывает все то, что у Толстого было его слабостью, а «учение», «пророчества» Толстого называет «смешными» и даже «реакционными». В. И. Ленин принимает у Толстого только то, что составляет его величие, что ценно: его беспощадный реализм, обличительный пафос, а не смирение. Окончательная критическая оценка — чрезвычайно важная сторона методологии В. И. Ленина. Оценку нельзя упускать и при изучении Достоевского. Таков и суд истории: она всегда отбирает важное и ценное, отбрасывая неважное и неценное, как бы они в опыте писателя ни были связаны друг с другом. Этот «отбор» и есть «объяснение».

Чтобы понять Достоевского, надо знать логику его мышления, строй его понятий и терминов. Есть целый «словарь Достоевского», по своей уникальности, пожалуй, не уступающий «Щедринскому словарю». Что такое у Достоевского «почвенни-

чество», «скитальчество», «всечеловечность», «двойничество», «подполье»? Он много говорит о каком-то «человекобоге», по аналогии с понятием «богочеловека», то есть Христа. По страницам его романов рассыпаны особые определения: «кротость», «любовь-ненависть», их нельзя объяснить одними названиями. Многое у Достоевского «не как у людей». Он стремился к обособленной оригинальности.

Он считал, что своим творчеством «завел процесс со всей нашей литературою». Дорого стоил ему этот процесс. Но многого непокорный гений и добился.

СОДЕРЖАНИЕ

Самый «трудный» в мире классик	3
Ранние сновидения и муки выбора	14
Начало литературного творчества	32
На эшафоте и в Сибири	51
Возвращение к литературной деятельности	62
Тяжба с «нигилистами» и обретение «почвы». «Русская идея» и «Запад»	72
Великие романы и «реализм в высшем смысле»	85
«Боль о человеке», «восстановление человека»	101
«Положительно прекрасный человек»	119
Притча о «бесах»	134
Искушение чистой души	149
История «случайной семейки» и смысл бытия	158
Пронзительность мастерства	178
«Я завел процесс со всей нашей литературой»	185
Мировая литература в «процессе» с Достоевским	198